

Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, она также — дух бездуховного времени.
Это опиум народа.

Карл Маркс

Марксизм — это, конечно, религия, в самом нечистом значении этого слова. Со всеми самыми низшими религиозными формами жизни его, в частности, объединяет факт постоянного использования, по выражению самого Маркса, в качестве опиума народа.

Симона Вейль

Предисловие

За последние годы я написал несколько статей, имевших отношение не столько к коммунистам, сколько к «коммунистам», тем, кто, не являясь членом партии, испытывает симпатию к советскому режиму. И я решил объединить эти статьи и написать к ним введение. Этот сборник вышел в свет под названием «Полемические заметки» (Gallimard, 1955, *collection Essais*), введение и стало этой книгой.

Я пытался объяснить поведение интеллектуалов, безжалостных к слабостям демократии, но снисходительных к самым ужасным преступлениям, лишь бы они совершались во имя хороших доктрин: левые силы, революция, пролетариат. Критика этих мифов привела меня к размышлениям о культе истории, затем я задумался о той социальной категории, которой социологи еще не уделяли вполне заслуженного ею внимания: это — интеллигенция.

Таким образом, данная книга обращается и к современному состоянию идеологий, называемых левыми, и к положению интеллигенции как во Франции, так и во всем мире. Была предпринята попытка

ответить на несколько вопросов, обращенных к самому себе: почему марксизм снова в моде во Франции, экономическое развитие которой опровергло все его предсказания? Почему идеологии пролетариата и партии пользуются бóльшим успехом там, где менее многочислен рабочий класс? Что заставляет интеллектуалов в различных странах именно так говорить, думать и поступать?

В начале 1955 года споры о правых и левых, традиционно правых и новых левых снова вошли в моду. Повсюду все задавались вопросом: к кому пристать, к прежним или современным правым? Я отвергаю эти категории. В Национальном собрании фронты разграничиваются по-другому, в зависимости от обсуждаемых проблем. В некоторых случаях различают, строго говоря, правые и левые силы: сторонники соглашения с национализмом (туниским или марокканским) представляют при желании левых, между тем как сторонники репрессий или существующего положения относятся к правым. Но не являются ли защитники полной национальной независимости левыми, а сторонники Европы, которые соглашаются с существованием наднациональных организаций, — правыми? С таким же основанием можно было бы поменять термины.

С точки зрения Советского Союза, «мюнхенский дух» встречается и среди социалистов, ностальгирующих о марксистском братстве, и среди националистов, неотступно преследуемых «немецкой опасностью» или безутешно горящих о потерянной величии. Объединения голлистов, сторонников де Голля, и социалистов происходят под лозунгом национальной независимости. Но не зародился ли этот

лозунг из единого национализма Морраса* или из якобинского патриотизма?

Модернизация Франции, развитие экономики представляют собой проблемы, которые внедряются в сознание нации. Проведение реформ наталкивается на препятствия, созданные не только монополиями или умеренными избирателями. А те, кто привержен прежнему образу жизни и архаичным способам производства, не всегда являются «крупными деятелями», они часто голосуют за левых. Используемые методы больше не создают блоки и идеологии.

Какой-нибудь кейнсианец, сожалеющий о либерализме, благосклонный к соглашению с тунисским или марокканским национализмом, убежден, что прочность атлантического альянса является лучшей гарантией мира. Я же, в зависимости от того, как они относятся к экономической политике, Северной Африке или отношениям Восток—Запад, буду делить их на левых или на правых.

Какая-либо определенность во французских дискуссиях-перепалках может быть достигнута только при избавлении от двусмысленных понятий. Чтобы наблюдать за реальной жизнью, задаваться целями и констатировать абсурдность этих политико-идеологических смещений, которыми от чистого сердца легкомысленно играют революционеры и журналисты, желающие непременно добиться успеха.

По ту сторону борьбы мнений и меняющихся коалиций, вероятно, можно распознать несколько типов сознания. Каждый отдает себе отчет об избирательных предпочтениях... Но, заканчивая писать

* Шарль Моррас (1868—1952) — публицист, член Французской академии, поддержал режим Виши. — *Прим. перев.*

эту книгу, посвященную группе, к которой я отношу и себя, я склоняюсь к тому, чтобы разорвать все связи, но не для того, чтобы найти удовольствие в одиночестве, а для того, чтобы выбрать себе соратников среди тех, кто умеет бороться без ненависти, и тех, кто отказывается в борьбе на Форуме находить тайну человеческого предназначения.

Сен-Сигизмон, июль 1954 года

Париж, январь 1955 года

Часть I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ

Глава 1

МИФ О ЛЕВЫХ

Имеет ли еще смысл альтернатива — правые или левые? Те, кто задает такой вопрос, немедленно становятся подозреваемыми. Но ведь Ален написал: «Когда меня спрашивают, имеет ли еще смысл разрыв между правыми и левыми партиями, между людьми правого и левого толка, в голову сначала приходит то, что человек, который задает этот вопрос, не относится к левым силам». Этот запрет не остановит нас, так как он, скорее, предал бы приверженность предубеждению, чем убежденность, основанную на разуме.

Левые силы, по мнению Литтре*, — это «оппозиционная партия во французских палатах, партия, заседающая слева от президента». Но это не то же самое, что оппозиция. Партии чередуются во власти. Партия левых остается левой даже в том случае, если она формирует правительство.

Настаивая на важности двух терминов — правые и левые, — не ограничимся констатацией того,

* Эмиль Литре (1801–1881) — философ-позитивист, автор французского словаря, известного как Литтре. — *Прим. перев.*

что технология политических сил стремится к тому, чтобы сформировать, отделившись от центра, два постоянно разделенных блока. Внушается существование либо двух типов людей с фундаментально противоположными отношениями, либо двух типов концепций, диалог между которыми будет постоянно продолжаться несмотря на изменение терминов и институтов. Либо, наконец, двух лагерей, борьба которых составила бы хронику веков. Пожалуй, только в воображении историков можно представить себе эти два типа людей, философских воззрений, партий, историков, обманутых делом Дрейфуса или сомнительной интерпретацией избирательной социологии.

Между различными группами, относящими себя к левым, никогда не было глубокого единства. Из поколения в поколение меняются лозунги и программы. А имеют ли между собой что-либо общее те левые, которые сражались вчера с конституционным режимом, и те, кто сегодня утверждает себя в режимах народной демократии?

Мифы из прошлого

Франция проходит через этап антагонизма правых и левых. В то время как эти термины до Второй мировой войны изредка использовались в политическом языке в Великобритании, они уже давно были приняты в гражданском праве Франции. Левые имеют такой преобладающий приоритет, что умеренные или консервативные партии ухищряются снова применять некоторые эпитеты, заимствованные из словаря своих противников. Сталкиваются

демократические, республиканские и социалистические убеждения.

Согласно распространенному мнению, два обстоятельства придают этому антагонизму исключительное значение. Концепция мира, которой придерживаются сторонники старого режима, была вдохновлена католическим воспитанием. Новое сознание, которое подготовило революционный взрыв, склоняется к принципам, аналогичным церковной, а также королевской власти. Партия движения с конца XVIII века и на протяжении большей части XIX века боролась одновременно с тронem и алтарем, она склонялась к антиклерикализму, поскольку церковная иерархия покровительствовала, или казалось, что покровительствовала, партии сопротивления. В Англии, где религиозная свобода была причиной и очевидной ставкой в Великой революции XVII века, передовые партии носили печать независимых, нон-конформистов, радикалов скорее христианского сектантства, чем атеистического рационализма.

Переход от старого режима к современному обществу произошел во Франции внезапно и жестко. С другой стороны Ла-Манша конституционный режим устанавливался постепенно, представительские институты вышли из парламента, происхождение которого восходит к средневековым ритуалам. В XVIII и XIX веках демократическая законность сменила монархическую, не устранив ее полностью, равенство граждан постепенно стерло различие сословий. Идеи, которые Французская революция разнесла бурей по всей Европе, независимость народа, осуществление власти в соответствии с правилами, избранные и независимые ассамблеи, устранение различий в правах личности — все это было реали-

зовано в Англии даже раньше, чем во Франции, и при этом народ отнюдь не освободился от цепей в прометеевском порыве. «Демократизация» там была общим достижением соперничающих партий.

Грандиозная или ужасная катастрофа или революционная эпопея разделила пополам историю Франции. Она, кажется, направила одну Францию против другой, из которых одна не смирилась, не желая исчезнуть, а другая без устали продолжала крестовый поход против прошлого. Каждая из них прошла через преобразование почти неизменяемого человеческого типа. С одной стороны взывают к семье, власти, религии, с другой — к равенству, разуму, свободе. Здесь уважают порядок, постепенно устанавливаемый на протяжении веков, там обучают верить в способности человека изменить общество в соответствии с достижениями науки. Правые — партия традиций и привилегий против левых — партии будущего и единomyслия.

Эта классическая интерпретация не является ложной, но она представляет собой ровно половину правды. На всех уровнях существует два человеческих типа (хотя все французы не принадлежат ни к одному, ни к другому): господин Омэ против господина священника, Ален и Жорес против Тэна и Морраса, Клемансо против Фоша. В некоторых случаях, когда конфликты носят особенно идеологический характер, по поводу законов об образовании, по делу Дрейфуса или отделения церкви от государства, оба блока стремятся сформироваться, и каждый из них претендует на истинность. Но как не подчеркнуть, что теория двух блоков в основе своей — из прошлого и призвана замаскировать беспощадные распри, раздирающие каждый из так называемых бло-

ков. Это и есть неспособность, которую по очереди демонстрируют правые и левые, совместно управляя государством, что показывает политическая история Франции с 1789 года.

До упрочения Третьей республики, если не считать несколько месяцев между февральской революцией и июньскими днями 1848 года, левые были во Франции XIX века постоянной оппозицией (отсюда и происходит путаница между левыми и оппозицией). Левые силы противостояли Реставрации, поскольку считали себя наследниками революции. Именно отсюда они извлекли исторические названия, мечту о прошлой славе, свои надежды на будущее, но они сомнительны, как и то огромное событие, на которое они ссылаются. Эта левая ностальгия обладает всего лишь мифическим единением. Она никогда не была единой, с 1789 по 1815 год ее было не больше, чем в 1848 году, когда крушение орлеанистской монархии позволило республике заполнить конституционный вакуум. Правые, и это известно, также не были едины. В 1815 году монархистская партия была разделена на ультрароялистов, которые мечтали о возвращении старого режима, и умеренных, согласных на статус-кво. Восшествие на престол Луи-Филиппа вынудило легитимистов на внутреннюю эмиграцию, а приход Луи-Наполеона не примирил орлеанистов и легитимистов, одинаково враждебных к узурпатору.

Гражданские разногласия XIX века снова воспроизвели конфликты, которые придали революционным событиям их драматический характер. Неудача конституционной монархии привела к полупарламентской монархии, а ее неудача — к республике, которая во второй раз выродилась в плебисцитную империю. Кроме того, сторонники Конституции,

фейяны, жирондисты, якобинцы были безжалостно повержены, чтобы в конце концов уступить место коронованному генералу. Они не представляли собой не только группы, соперничающие за обладание властью, они не были согласны ни на форму правления во Франции, ни на полноту реформ. Монархисты, желавшие дать Франции конституцию, аналогичную английской, не соглашались с теми, кто мечтал об уравнивании в богатстве и во враждебности к старому режиму.

Нам не важно, почему революция пришла к катастрофе. Г. Ферреро в последние годы жизни любил рассуждать о различии между двумя революциями, революции конструктивной, которая была направлена на расширение представительства, на предоставление некоторых свобод. И революции деструктивной — вызвавшей крушение принципа легитимности и отсутствие легитимности смены власти. Такое различие вполне удовлетворительно для понимания. Революция конструктивная несколько смешивается с результатами событий, которые мы оцениваем положительно: представительная система, социальное равенство, личные и интеллектуальные свободы. К деструктивной революции относят ответственность за террор, войны, тиранию. Нетрудно представить монархию, которая сама по себе постепенно, с отступлениями вводит главное из того, что, нам кажется, и было творением революции. Но идеи, вдохновлявшие ее, строго говоря, несовместимы с монархией, они расшатывали систему сознания, на которой покоился трон, они вызвали кризис легитимности, следствием которого стал большой страх и террор. В любом случае факт состоит в том, что старый режим рухнул сразу, почти не защищаясь, и

что Франции понадобился целый век, чтобы прийти к другому режиму, принятому большинством нации.

Социальные последствия революции стали очевидными и необратимыми с начала XIX века. Уже было невозможно отказаться от отмены законов о привилегиях, от Гражданского кодекса, от равенства людей перед законом. Но выбор между республикой и монархией был еще не окончательным. Демократические устремления не были связаны с парламентскими институтами; бонапартисты подавили политические свободы во имя демократических идей. Никто из крупных писателей Франции в это время не признал левые силы, объединенные единой волей, которая охватила всех наследников революции против защитников прежней Франции. Партия движения — это противоположный миф, которому не отвечала даже избирательная реальность.

Клемансо выступил против исторической очевидности: «Революция — это блок», когда республике уже было обеспечено существование. Это заявление отмечало собой конец вчерашних распрей между левыми. Демократия примирилась с парламентаризмом, принцип заключался в том, что всякая власть исходит от народа, и на этот раз всеобщее избирательное право способствовало защите свобод, но не возвышению тирана. Либералы и эгалитаристы, умеренные и экстремисты больше не имели причин воевать и уничтожать друг друга: цели, которые заявляли различные партии, были в конце концов достигнуты одновременно. Третья республика — режим конституционный и в то же время народный. Она закрепляла законное равенство при всеобщем избирательном праве и неправомерно выдавала себя за славного наследника в блоке революции.